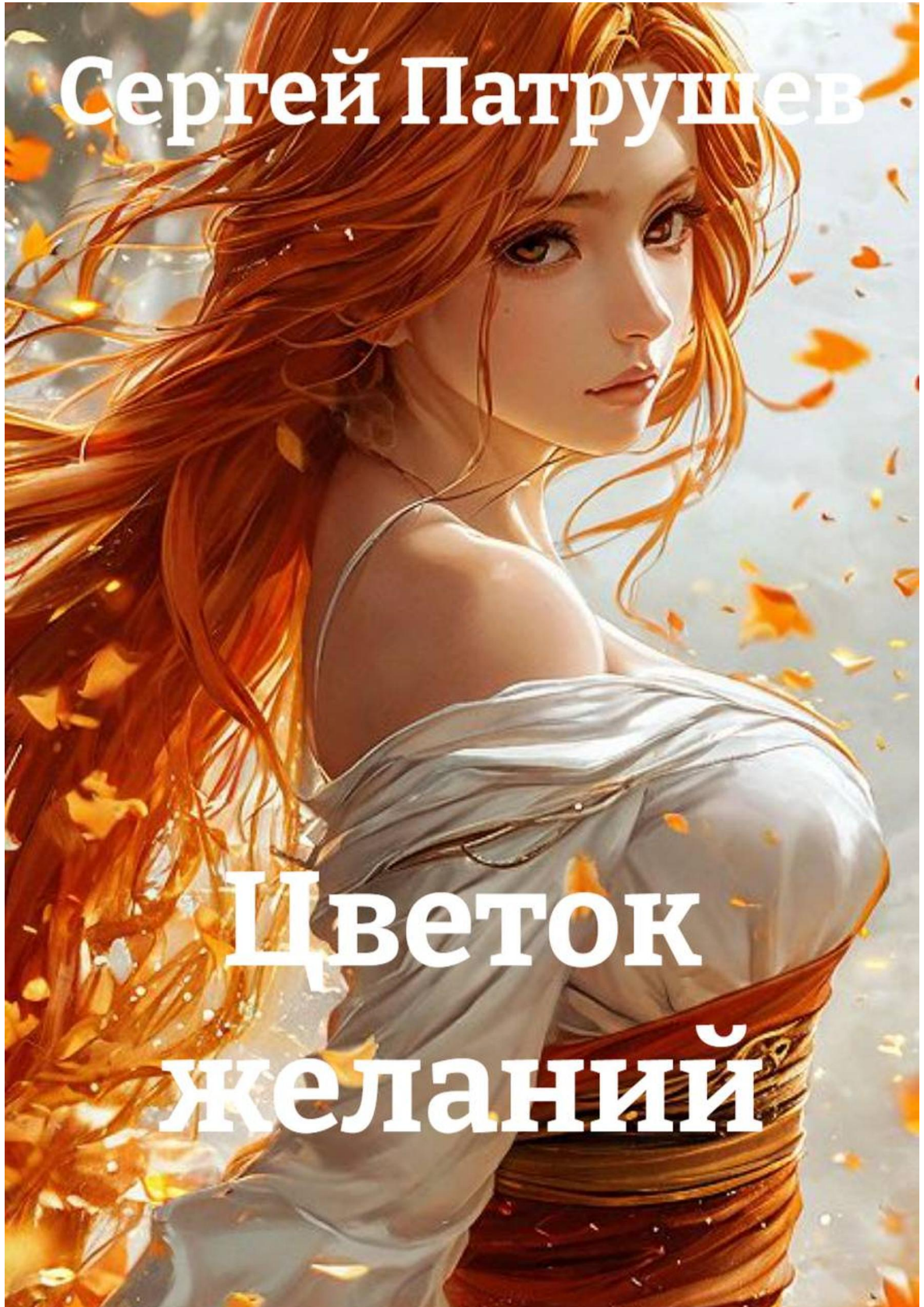

Сергей Патрушев

Цветок
желаний

Сергей Патрушев
Цветок желаний

«Автор»

2026

Патрушев С.

Цветок желаний / С. Патрушев — «Автор», 2026

Цветок желаний — фэнтези-боевик с элементами драмы и романтики. Юная травница Настя живёт в мире, раздираемом войной магических кланов, где любое проявление силы несёт лишь разрушение, но случайная встреча с умирающим магом в сторевшем лесу меняет всё: из загадочного семени вырастает необычный цветок, наделяющий девушку даром исцеления и способностью исполнять искренние желания. Однако за уникальной силой начинают охоту тёмные фракции и главным врагом становится Вереск — маг-вор душ, питающийся чужими способностями. Рядом с Настей — Олег, бывший воин-каратель, ищущий искупления. Каждое использованное желание отнимает у неё частицу жизни, приближая увядание цветка. Когда Олег получает смертельное заклятие, Настя встаёт перед выбором: спасти возлюбленного или выжить самой. Это история о цене любви, самопожертвовании и надежде, способной прорасти даже из пепла войны.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел вместо ростка	5
Глава 2. Прикосновение силы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Цветок желаний

Глава 1. Пепел вместо роста

Запах гари — этот вездесущий, удушливый, пропитанный едкой горечью сожженной плоти и обугленного дерева аромат, который, казалось, уже невозможно было отделить от самого ощущения жизни, — вьелся в саму ткань мироздания настолько глубоко и основательно, что стал такой же неотъемлемой и неизменной частью повседневного существования, как воздух, которым дышали все живые существа, или вода, без которой не могло бы прорасти ни одно, даже самое неприхотливое и выносливое, растение. Он пропитывал грубую, домотканую ткань одежды, которую носили жители немногочисленных, чудом уцелевших деревень, разбросанных по выжженным равнинам; он забивался в ноздри и легкие при каждом, даже самом осторожном и неглубоком вдохе, заставляя людей постоянно чувствовать его присутствие где-то на границе сознания; он оседал горьким, въедливым, липким пеплом на языке и зубах, постоянно напоминая о том, что где-то там, за кромкой почерневшего, изломанного, словно искореженного неведомой силой леса, на далеких, выжженных до состояния стекла равнинах, снова и снова полыхала очередная, не менее жестокая и бессмысленная, битва.

Война магических кланов, это затянувшееся на бесчисленное множество лет кровопролитное, братоубийственное противостояние, истинную, первопричинную суть которого уже давно никто не помнил, а если и помнил, то предпочитал благоразумно молчать, опасаясь за собственную жизнь, не знала ни пощады, ни сострадания, ни даже простого человеческого милосердия, которое, казалось, давно покинуло эти измученные земли. Она прокатывалась по некогда плодородным, цветущим землям огненными валами неконтролируемой, разрушительной, всепожирающей энергии, выжигая до состояния оплавленного стекла целые поселения вместе со всеми их жителями, отравляя ядовитыми, смертоносными испарениями кристально чистые реки и озера, которые веками поили людей и животных, и даже сами облака, гонимые злыми, порывистыми, пропитанными пеплом ветрами с бесконечных, дымящихся полей сражений, приобретали зловещий, багрово-красный оттенок, предвещающий новые беды и новые, бессмысленные смерти.

Деревня, в которой появилась на свет и прожила всю свою недолгую, полную лишений и постоянного страха жизнь юная Настя, ютилась на так называемой нейтральной полосе — узкой, извилистой, словно случайно проведенная линия, полоске земли, которая каким-то непостижимым чудом, то ли по негласному, никем не подписанному, но всеми соблюдаемому из чувства самосохранения договору, то ли по простой, необъяснимой и невероятной случайности, до сих пор избегала прямых, сокрушительных ударов враждующих сторон, чьи магические бури бушевали совсем рядом.

Жители этой забытой богами и, казалось, самой судьбой деревни, в большинстве своем простые, неграмотные, но мудрые жизненным опытом земледельцы и немногочисленные, но умелые и трудолюбивые ремесленники, чьи натруженные, мозолистые руки были приучены не к мечу и боевому посоху, а к плугу, молоту и серпу, жили в постоянном, липком, не отпускающем ни на минуту, парализующем страхе, вздрагивая от каждого далекого, раскатистого грома, который на самом деле, как они уже давно научились безошибочно понимать, мог ока-

заться всего лишь отзвуком применения какого-нибудь особо мощного боевого заклинания, способного стереть с лица земли целый город. Они научились выживать в этих нечеловеческих, жестоких условиях, полагаясь исключительно на собственные, натруженные руки и на скудные, капризные дары измученной, истерзанной, но все еще дающей жизнь земли, не надеясь на помощь, защиту или даже простое сочувствие ни со стороны одной из противоборствующих магических фракций, поглощенных своей бесконечной войной, ни тем более со стороны равнодушного, затянутого дымом неба, которое, казалось, давно отвернулось от этого проклятого мира.

Настя, девушка, которой едва исполнилось семнадцать лет, была дочерью местной травницы, знахарки, которая многие годы, не покладая рук, лечила жителей деревни от всевозможных хворей и недугов, используя лишь силу трав, корней и древних, передаваемых из поколения в поколение настоев, рецепты которых хранились в её семье веками. Мать её, эта мудрая и добрая женщина, умерла несколько лет назад от жестокой, изнуряющей лихорадки, которую, по горькой иронии судьбы, так и не смогла вылечить у самой себя, и теперь все тяжёлые, повседневные, изматывающие заботы о сборе редких целебных растений, о правильном приготовлении сложных, требующих точности и терпения снадобий и об излечении немногочисленных, но постоянно нуждающихся в помощи больных и немощных, легли на хрупкие, девичьи плечи этой юной, но не по годам серьезной и ответственной девушки.

Ей едва исполнилось семнадцать, но в её больших, серых, как предгрозовое, затянутое тяжелыми тучами небо, глазах уже читалась не по годам глубокая, затаенная, всепонимающая мудрость, рожденная из постоянного, изнурительного столкновения с человеческой болью, с необратимой хрупкостью жизни и с неизбежностью смерти, которая, казалось, витала в самом воздухе этой проклятой, истерзанной войной земли. Настя не знала, что такое магия в её истинном, созидательном, живительном смысле. Вернее, она знала лишь то, что магия — это абсолютное, ничем не ограниченное зло, что она несет исключительно разрушение, хаос и мучительную смерть, и что любой, кто обладает этой страшной, разрушительной силой, автоматически становится врагом всего живого.

Она много раз видела издалека зловещие, багровые, отражающиеся в низких тучах зарева пожаров, слышала леденящие душу, полные ужаса рассказы беженцев о чудовищных, порожденных темной магией тварях, о земле, которая после применения особо мощных боевых сил не родит ничего, кроме сухой, ядовитой полыни, и о людях, которые, соприкоснувшись с магией, навсегда теряют рассудок и человеческий облик.

Тот судьбоносный день начался, как и многие другие до него, с пронзительного, гортанного, словно предупреждающего о чем-то крика деревенского петуха и с привычного, уже ставшего почти родным, запаха дыма, который, впрочем, сегодня казался особенно густым, едким и тревожным, словно предвещая какую-то неотвратимую беду. Выглянув в мутное, затянутое паутиной и покрытое тонким слоем пепла окно своего маленького, покосившегося, но такого родного домика, Настя увидела, что восточная часть горизонта, та, где находился её любимый лес, затянута тяжелой, черной, почти осязаемой, давящей на грудь пеленой густого дыма, из которой то и дело вырывались зловещие, багрово-красные сполохи, озарявшие на мгновение мрачные, клубящиеся, словно живые, тучи. Лес, её лес, то самое место, где она собирала большую часть своих лекарственных трав, где она могла укрыться от всех невзгод и тревог, где каждое дерево и каждая тропинка были знакомы ей с самого раннего детства, горел.

Её сердце, обычно спокойное и рассудительное, сжалось от острой, щемящей, пронзительной тревоги и от какой-то смутной, непонятной, но от этого не менее сильной тоски, словно вместе с этим лесом сгорала и какая-то важная, неотъемлемая часть её самой. Не раздумывая ни секунды, повинаясь скорее какому-то внутреннему, инстинктивному, животному порыву, чем голосу разума, она накинула на плечи старый, выцветший, местами протертый вязаный платок, сунула ноги в разношенные, потертые кожаные башмаки, схватила большую плетеную корзину, стоявшую у самого порога, и вышла из дома, чувствуя, как горячий, пахнущий гарью и пеплом ветер бьет ей в лицо, заставляя слезиться глаза.

Она, конечно же, не собиралась идти к самому эпицентру пожара, прекрасно понимая, что это было бы чистым безумием и верной, неминуемой гибелью, но её ноги, словно бы сами по себе, не слушаясь доводов рассудка, несли её по знакомой, едва заметной, петляющей между кочками тропинке, которая вела к опушке леса.

Возможно, в глубине души она надеялась, что огонь, проявив невиданную доселе милость, пощадил хотя бы небольшую часть её драгоценных, редких растений, или же ею двигало какое-то необъяснимое, интуитивное чувство, какое-то смутное, но настойчивое предчувствие, что она должна быть там, что её присутствие там почему-то очень важно. По мере того как она приближалась к лесу, жар становился все более интенсивным и нестерпимым, обжигая кожу, затрудняя дыхание и заставляя сердце биться в бешеном, лихорадочном темпе. Птицы, в панике покидая свои горящие гнезда, с тревожными, душераздирающими, полными отчаяния криками металась в закопченном, почерневшем небе, не зная, куда им лететь и где искать спасения. Земля под ногами была предательски теплой, а воздух был наполнен мириадами раскаленных искр и медленно кружащихся в воздухе хлопьев пепла, которые, словно черные снежинки, оседали на её лицо, волосах и одежде, оставляя на них грязные, трудносмысливаемые следы.

Когда Настя, запыхавшись и с трудом переводя дыхание, достигла, наконец, опушки, перед её взором предстала картина настоящего, неопишуемого апокалипсиса, зрелище, от которого у неё перехватило дыхание, а к горлу подступил тугой, болезненный ком. Величественные, вековые, уходящие кронами в самое небо сосны, эти молчаливые свидетели многих поколений, которые она знала с раннего детства и которые, казалось, будут стоять вечно, превратились в черные, обугленные, дымящиеся скелеты, словно гигантские, искривленные в предсмертной агонии пальцы, тянущиеся к равнодушному, затянутому дымом небу в безмолвной, отчаянной мольбе о пощаде. Огонь, этот ненасытный, всепожирающий, безжалостный зверь, все еще пожирал их изнутри, с мерзким, плотоядным, торжествующим треском вырываясь наружу, и волны нестерпимого, всепроникающего, искажающего пространство жара делали воздух похожим на дрожащее, колышущееся, призрачное марево. Зрелище было настолько ужасающим, настолько нереальным и душераздирающим, что Настя застыла на месте, не в силах отвести взгляд, не в силах пошевелиться, ощущая, как жгучие, непрощенные слезы закипают у неё на глазах и прокладывают себе дорожки по закопченным, почерневшим щекам. Это была не просто гибель леса, не просто утрата источника трав и ягод, это была гибель части её мира, части её прошлого, части её самой, и она чувствовала эту утрату как физическую, ничем не утोलимую, разрывающую изнутри боль.

Внезапно, когда она уже готова была развернуться и бежать прочь от этого невыносимого, душераздирающего зрелища, её затуманенное слезами и пеленой дыма внимание привлекло какое-то едва уловимое, неестественное движение. В стороне от основной массы бушующего, ревущего огня, у самого подножия огромного, частично обгоревшего, но все еще величествен-

ного дуба, который каким-то чудом удержался на своих мощных, обугленных корнях, что-то слабо шевельнулось, издав едва слышный, полный страдания стон.

Сначала она, испуганно замерев, подумала, что это какое-то раненое, обезумевшее от страха и боли животное, но, осторожно приглядевшись сквозь пелену дыма и слез, она с леденящим душу ужасом поняла, что это человек. Мужчина, облаченный в некогда, по-видимому, богатые и дорогие, а теперь изорванные и обгоревшие до неузнаваемости одежды, лежал на боку, привалившись к обугленному стволу дуба, и его лицо, наполовину скрытое тенью от темного, опаленного капюшона, было искажено гримасой нечеловеческой, невыносимой боли. Из-под этого капюшона, из глубокой, рваной раны на виске, прямо на выжженную, потрескавшуюся, дымящуюся землю, медленно, толчками, стекала густая, темная струйка крови, оставляя за собой блестящий, влажный, быстро впитывающийся в пепел след.

Инстинкт травницы, этот древний, глубинный, передавшийся ей от матери зов, мгновенно взял верх над парализующим страхом и благоговейным ужасом. Осторожно, стараясь не наступить на тлеющие, дымящиеся угли и не привлечь к себе лишнего внимания, Настя медленно, шаг за шагом, с сильно бьющимся сердцем приблизилась к незнакомцу.

Он был худ, бледен, и, судя по всему, находился на самой последней, предсмертной стадии истощения и боли. Его грудь, обтянутая изорванной тканью, судорожно, с трудом вздымалась при каждом вдохе, а из горла вырывался слабый, свистящий, kloкочущий хрип, свидетельствующий о том, что его внутренние органы серьезно повреждены. Но самым удивительным, самым непостижимым в его облике была не изорванная, обгоревшая одежда из дорогого, вышитого серебряными нитями бархата, а то слабое, едва заметное, но от этого не менее жуткое серебристо-голубое сияние, которое исходило от его изящных, длинных, бледных пальцев, испещренных странными, как будто выжженными на самой коже, руническими символами. Это был маг. Первый маг, которого Настя видела так близко, на расстоянии вытянутой руки, и от этого осознания у неё по спине пробежал холодок первобытного, неконтролируемого, парализующего ужаса.

Она застыла на месте, парализованная одновременно страхом, благоговением и каким-то нездоровым, пугающим её саму любопытством, не в силах ни приблизиться, ни отойти. Ей с самого детства внушали, что маги — это безжалостные, лишённые всякой человечности существа, монстры, сеющие лишь смерть, разрушение и бесконечные страдания, и что любое соприкосновение с ними несет лишь погибель.

Сейчас перед ней, на этой выжженной, дымящейся земле, лежало не чудовище из страшных сказок, а израненный, умирающий человек, чье бледное, искаженное болью лицо, несмотря на все страдания, сохраняло удивительные следы благородства, ума и какой-то глубинной, вселенской печали. Его глаза, эти окна в душу, на мгновение приоткрылись, и Настя увидела, что они цвета грозового, предштормового неба, в которых, как ей показалось, на долю секунды промелькнуло чистое, искреннее удивление, а затем — отчаянная, всепоглощающая мольба, обращенная именно к ней.

«Возьми...» — прошептал он пересохшими, потрескавшимися от жара губами, и его правая рука, та самая, что излучала слабое серебристое сияние, медленно, с невероятным, судорожным усилием, преодолевая сопротивление умирающего тела, потянулась к ошеломленной, дрожащей от страха Насте.

В его раскрытой ладони, прямо в центре светящихся рун, лежало небольшое семя. Оно было совершенно необычным, неземным, переливающимся в отблесках бушующего вокруг пожара всеми цветами радуги одновременно, словно крошечная, сконцентрированная капля живой, пульсирующей сущности этого измученного, но все еще прекрасного мира. Настя, широко раскрыв глаза, в нерешительности смотрела на этот странный, светящийся объект, не понимая, что ей делать и чего от неё хотят. Она боялась прикоснуться к магу, боялась этой странной, светящейся вещицы, боялась последствий, которые может повлечь за собой это прикосновение, но в то же время чувствовала, что отказать умирающему будет невозможно.

«Возьми, дитя,» — повторил он более настойчиво, и в его слабеющем голосе, который, казалось, доносился уже не из этого мира, послышалась такая невероятная, нестигаемая сила и такая глубокая, предсмертная тоска, что Настя, повинаясь не доводам разума, а какому-то глубинному, интуитивному порыву, какому-то зову самой судьбы, медленно, дрожащей от страха рукой, протянула свою ладонь.

Как только семя коснулось её открытой ладони, оно обожгло кожу пронизывающим, ледяным холодом, который, казалось, проник до самых костей, а затем, в следующую же секунду, это ощущение сменилось странным, пульсирующим теплом, и Настя с изумлением поняла, что семя словно бы впиталось в её кожу, растворилось в ней, оставив лишь слабое, но отчетливое, живое тепло, которое, казалось, теперь пульсировало в такт её собственному сердцебиению. В тот же самый миг, когда это произошло, незнакомец, с облегчением вздохнув в последний раз, затих. Его тело, истерзанное ранами и магическим истощением, обмякло, голова безвольно склонилась набок, а серебристое сияние вокруг его рук, постепенно затухая, погасло окончательно, оставив лишь мертвую, бледную кожу. Он умер.

Настя, осознав, что произошло, в паническом ужасе отшатнулась от мертвого тела, судорожно сжимая в кулаке то, что осталось от невидимого семени. Она не знала, что ей теперь делать, не знала, как поступить с телом, не знала, к кому обратиться за помощью, ибо прекрасно понимала, что если жители деревни узнают о её контакте с магом, её судьба будет предрешена. Оставить его здесь, на растерзание диким, голодным зверям, казалось ей кощунственным и неправильным, но и вернуться в деревню за помощью она не могла, не подвергая себя смертельной опасности. В этот момент неподалеку раздался оглушительный, ужасающий треск, и огромная, пылающая ветвь с ближайшего дерева с грохотом рухнула на землю, подняв в воздух целый столб раскаленных искр и клубы удушливого дыма. Огонь подбирался все ближе и ближе, грозя в любую секунду поглотить и бездыханное тело мертвого мага, и саму растерянную, дрожащую от страха Настю.

Не помня себя от ужаса, она бросилась прочь из горящего леса. Она бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о выступающие из земли обгоревшие корни, продираясь сквозь колючие, цепляющиеся за одежду кусты, пока, наконец, не выбежала на открытое, свободное от огня пространство, подальше от невыносимого, всепожирающего жара. Остановившись, чтобы перевести дыхание и унять бешено колотящееся сердце, она с опаской разжала свою крепко сжатую в кулак ладонь. Семя лежало у неё на руке, и теперь, в относительной безопасности, его сияние стало заметно ярче и спокойнее, словно оно напилось энергией её страха, её бега и её отчаянной воли к жизни. Оно не было физическим объектом в обычном, привычном понимании этого слова, оно скорее напоминало сгусток концентрированного света, сгусток энергии, но при этом оно было твердым, осязаемым и удивительно теплым на ощупь.

Вернувшись домой, тщательно заперев за собой дверь и закрыв все окна ставнями, Настя первым делом, словно в каком-то лихорадочном трансе, зарыла это странное, светящееся семя в небольшой глиняный горшок с обычной, черной землей, который стоял на подоконнике в её маленькой, скромно обставленной комнатухе. Она сделала это скорее машинально, подчиняясь какому-то необъяснимому внутреннему импульсу, словно выполняя последнюю, невысказанную волю умершего мага, чем руководствуясь какой-либо логикой или здравым смыслом. Она, разумеется, не верила, что из этого таинственного, магического семени что-то вырастет. Возможно, оно должно было остаться просто как память о той страшной, судьбоносной встрече, как напоминание о том, что даже в самом сердце разрушения может зародиться что-то новое.

Следующие несколько дней Настя прожила как в каком-то затяжном, липком сне, не осознавая до конца реальность происходящего. Она ходила в лес, точнее, к тому, что от него осталось — к унылым, черным, дымящимся пустошам, усыпанным пеплом и обугленными головешками, — в тщетной надежде найти хоть какие-то чудом уцелевшие растения, но находила лишь горький, смешанный с пеплом прах и безжизненные, обугленные корни. Она продолжала лечить жителей деревни, используя свои старые, проверенные запасы трав и настоек, но её мысли, словно заколдованные, постоянно возвращались к умирающему магу, к его пронзительным, полным мольбы глазам и к его странному, светящемуся дару, который теперь, казалось, пульсировал в её собственной крови. Каждое утро, просыпаясь с первыми лучами солнца, она первым делом бросала тревожный, полный надежды взгляд на горшок, но земля в нем оставалась неподвижной, черной, сухой и безжизненной, не подавая никаких признаков прорастания.

Прошло, наверное, дней десять, а может быть и больше — время в этом тревожном, затуманенном состоянии текло медленно и незаметно, — когда однажды утром, когда первые, робкие лучи восходящего солнца заглянули в щель между ставнями её маленького окна, Настя, случайно бросив взгляд на горшок, заметила, что земля в нем слегка вздулась, как будто кто-то невидимый толкал её изнутри. Затаив дыхание, с колотящимся от волнения сердцем, она медленно, осторожно подошла ближе и увидела, как на поверхности земли появился крошечный, бледный, почти прозрачный росток.

Он был настолько хрупким, настолько беззащитным, что, казалось, одно лишь неосторожное дуновение ветра могло сломать его, но в то же время в нем чувствовалась какая-то невероятная, несокрушимая жизненная сила. И он рос с поистине пугающей, сверхъестественной скоростью. Уже к вечеру того же дня робкий росток превратился в небольшой, крепкий кустик с нежно-зелеными, почти прозрачными, словно выточенными из драгоценного камня листьями, которые, казалось, сами светились изнутри мягким, успокаивающим, живительным светом.

Прошла еще одна ночь, и на верхушке этого удивительного куста появился тугой, плотный бутон, обещавший вскоре раскрыться. А еще через день, когда Настя, затаив дыхание, вошла в комнату, чтобы полить растение, она громко ахнула от изумления и отступила на шаг назад, не веря своим глазам. В горшке расцвел цветок.

Он был не похож ни на один из тех, что она когда-либо видела в своей жизни, ни на один из тех, что были описаны в древних травниках её матери. Его лепестки, мягкие и шелковистые на вид, были сотканы из чистой, переливающейся, концентрированной энергии, и они постоянно меняли свои оттенки, будучи то голубыми, как безоблачное утреннее небо, то розовыми, как нежный закат, то ослепительно белыми, как первый, только что выпавший снег. От

всего цветка исходило нежное, теплое, ласкающее сияние, которое наполняло всю её маленькую комнату, изгоняя из неё мрак и холод, а воздух, казалось, был напоен тонким, неземным, дурманящим ароматом, который было невозможно ни с чем сравнить. Этот цветок был не просто растением, не просто красивым творением природы, он был живым источником жизни, источником чистой, созидательной энергии.

Впервые с момента гибели её любимого леса, впервые за долгое, изнурительное время Настя почувствовала не страх, не тоску и не безысходность, а робкую, трепетную надежду. Что-то поистине прекрасное, могущественное и непостижимое проросло из горького пепла, подаренного ей умирающим магом. И она с каждым днем все отчетливее чувствовала, что этот необычный цветок каким-то непостижимым образом связан с ней, что он отзывается на её мысли, на её чувства, на её душевное состояние, и что между ними установилась незримая, но прочная магическая связь.

Прошло еще несколько дней, наполненных для Насти новыми, неизведанными ранее ощущениями. Она все больше и больше времени проводила рядом с цветком, наблюдая за его плавными, завораживающими переживаниями, вдыхая его чудодейственный аромат, который, казалось, излечивал её от любой усталости, от любой душевной боли и от постоянного, изматывающего чувства тревоги. Однажды к ней в дом пришла соседка, женщина средних лет, которая сильно порезала себе руку, поскользнувшись и упав на острый, заржавевший серп. Рана была глубокой и рваной, кровь хлестала из неё, не останавливаясь, и женщина, бледная от боли и потери крови, едва держалась на ногах.

Настя, действуя быстро и собранно, промыла рану, приложила к ней свои самые сильные кровоостанавливающие травы, туго перевязала чистой тканью, но с ужасом и лихорадочным отчаянием понимала, что этого недостаточно, что обычные средства здесь бессильны и что женщина может умереть от потери крови. От отчаяния, сама не осознавая, что делает, повинаясь какому-то глубинному, инстинктивному знанию, она поднесла свою дрожащую ладонь к ране, сконцентрировав все свои мысли и чувства на единственном, всепоглощающем желании помочь, на желании унять эту страшную боль и остановить кровь.

И вдруг, в тот самый момент, когда она уже почти отчаялась, она почувствовала, как из самой глубины её существа, откуда-то из области солнечного сплетения, поднимается странная, мощная, теплая волна. Она прошла через её тело, сконцентрировалась в правой руке и излилась из кончиков её пальцев прямо в открытую, кровоточащую рану соседки, окутав её мягким, золотистым сиянием.

Женщина громко вскрикнула, но не от боли, а от чистого, неподдельного изумления. Кровь мгновенно остановилась, края раны начали сходить и затягиваться прямо на глазах, и на глазах у потрясенной, не верящей сама себе Насти от глубокого, страшного пореза остался лишь тонкий, розовый, едва заметный шрам, который, как она интуитивно знала, через пару часов исчезнет полностью, не оставив и следа.

Соседка, ошеломленная и напуганная, смотрела на свою исцеленную руку, а затем перевела взгляд на Настю широко раскрытыми, полными страха и недоверия глазами.

«Что... что ты сделала?» — прошептала она, отшатываясь от девушки, как от зачумленной.

Настя и сама была в глубочайшем шоке. Она смотрела на свои собственные руки, которые только что совершили невозможное, которые только что явили миру чудо, и не могла поверить в реальность происходящего. Она не знала, что ответить. Она перевела растерянный взгляд на цветок, стоящий на подоконнике. Его лепестки пульсировали в такт её бешено колотящемуся сердцу, и она, наконец, поняла. Это он. Это был его дар. Дар исцеления.

Слухи о чудесном исцелении, сотворенном юной травницей, молниеносно разлетелись по всей деревне, обрастая все новыми, невероятными подробностями и домыслами. Но вместе с изумлением и любопытством пришел и ледяной, всепоглощающий страх. Жители деревни, эти простые, суеверные люди, боялись всего, что было хоть как-то связано с магией. Они слишком хорошо помнили, к каким ужасным, разрушительным последствиям приводят подобные силы, и не хотели иметь ничего общего с теми, кто ими обладает.

Настя, сама того не желая, стала изгоем в своей собственной деревне, превратившись из уважаемой травницы в опасную, проклятую ведьму. С ней боялись разговаривать, её сторонились, обходили её дом десятой дорогой, а некоторые, особо рьяные, даже плевали ей вслед, бормоча себе под нос древние, полузабытые проклятия. Она снова осталась одна, наедине со своим новообретенным даром и со своим гнетущим, парализующим страхом перед неизвестностью.

Но дар, полученный от умирающего мага, не исчезал и не ослабевал. Напротив, с каждым днем он рос и креп, заполняя все её естество. Настя чувствовала, как энергия волшебного цветка перетекает в неё, наполняя её тело неведомой ранее силой, ясностью ума и каким-то удивительным, всепроникающим спокойствием. Она начала понимать, что магия, которую она с самого детства считала исключительно разрушительной, деструктивной и смертоносной, может нести и жизнь. Может исцелять раны, утешать страждущих, дарить надежду отчаявшимся. И впервые за долгое, изнурительное время в её сердце затеплилась робкая, но все более уверенная мысль, что, возможно, её истинное предназначение — нести эту исцеляющую, созидательную магию в мир, раздираемый бесконечной, братоубийственной войной.

Это случилось глубокой, темной ночью, когда вся деревня уже давно спала беспробудным сном. Настя не спала, сидя у окна и задумчиво глядя на свой волшебный цветок, который мягко светился в темноте, словно маленькая, живая звезда. Вдруг она услышала слабый, приглушенный стон и едва различимый шорох за дверью.

Она вздрогнула и замерла, прислушиваясь. Стон повторился, теперь уже ближе и отчетливее, сопровождаясь звуком тяжелых, шаркающих шагов. Осторожно, стараясь не производить лишнего шума, она прихватила с собой небольшую керосиновую лампу и, дрожа от страха, приоткрыла входную дверь. У самого порога, привалившись к косяку спиной, лежал молодой мужчина. Он был молод, не старше двадцати пяти лет, одет в простую, но добротную и удобную одежду воина, которая сейчас была вся изорвана и пропитана кровью. Его лицо, бледное, покрытое холодной испариной, было искажено гримасой боли, а из глубокой раны на боку, зажатой его рукой, медленно сочилась густая, темная кровь. Настя сразу узнала в нем бойца одного из магических кланов. Такие воины часто проходили через их деревню, направляясь на фронт или возвращаясь с него.

Его звали Олег. Он был тяжело ранен в жестокой стычке с боевыми магами противника. Его отряд был разбит и рассеян, а он сам, получив страшную рану, нанесенную, по-видимому, каким-то темным боевым заклинанием, чудом добрался до этой глухой, забытой богами

деревни, надеясь найти хоть какую-то помощь или, на худой конец, достойную смерть. Он видел, как его товарищей, его братьев по оружию, испепеляли безжалостными боевыми заклинаниями, и знал, что без надлежащего, квалифицированного лечения его ждет та же участь.

Видя его невыносимые страдания, Настя, не колеблясь ни секунды, забыла о своем страхе, о предубеждениях жителей деревни и о смертельной опасности, которую могло представлять для неё общение с воином враждебного клана. Она действовала на автомате, как настоящая, прирожденная целительница.

Она с трудом затащила раненого в дом, уложила его на свою кровать, аккуратно разрешила окровавленную, прилипшую к ране одежду. Рана была ужасающей, явно нанесенной не обычным оружием, а чем-то, что оставило вокруг пореза страшные, черные ожоги и зловещее почернение, которое, казалось, медленно расползлось по телу, отравляя его. Обычные травы, даже самые сильные, были бы здесь бессильны.

Настя на мгновение закрыла глаза, собираясь с духом и концентрируя всю свою волю. Она вспомнила все, что чувствовала, когда исцеляла руку соседки. Она вспомнила мягкий, золотистый свет своего волшебного цветка и представила, как этот живительный свет перетекает в неё, наполняя её тело силой, а затем — в раненого мужчину, изгоняя из него боль и смерть. Она положила свои прохладные ладони на его горячую, липкую от крови рану, игнорируя жар, исходящий от его тела, и сосредоточилась на единственном желании — исцелить его.

Олег, находившийся в полубреду, на грани между жизнью и смертью, с трудом открыл глаза. Он увидел склонившуюся над ним девушку, окруженную мягким, золотистым, успокаивающим сиянием, и почувствовал, как из её рук в его измученное, умирающее тело вливается мощный поток живительного, теплого света. Его боль, эта невыносимая, сводящая с ума агония, терзавшая его уже несколько дней, начала постепенно отступать, растворяясь в этом золотистом свете. Он, израненный, закаленный в бесчисленных битвах воин, привыкший видеть лишь боль, смерть и разрушение, впервые в своей жизни ощутил на себе прикосновение магии исцеления. Магии, о которой ходили лишь смутные, полузабытые легенды, магии, в существование которой он уже давно перестал верить.

Когда золотистое сияние рассеялось, на месте страшной, смертельной раны остался лишь едва заметный, тонкий шрам. Олег, пораженный до глубины души, не в силах вымолвить ни слова, смотрел на Настю. Он видел в её глазах не отблеск боевого заклинания, не холодный расчет воина, а мягкий, лучистый свет сострадания и искреннего желания помочь. И он понял, что столкнулся не с врагом, а с настоящим чудом, с тем самым чудом, в которое, как он уже начинал с горечью думать, не осталось места в этом проклятом, раздираемом войной мире.

Так в доме юной травницы Насти, под тихим, умиротворяющим светом необычного цветка, выросшего из горького пепла войны, встретились два одиночества. Она — носительница дара жизни, отвергнутая своим собственным миром. Он — воин, израненный войной, но нашедший исцеление и, возможно, нечто гораздо большее, чем просто физическое выздоровление. Они еще не знали, какие испытания, какие опасности и какие судьбоносные открытия уготовила им капризная судьба, но в тот момент, глядя друг на друга, оба чувствовали, что их жизни бесповоротно изменились. И что сила, данная Насте, — не просто случайный дар, а ключ к чему-то гораздо большему, что может изменить не только их собственные судьбы, но и ход всей этой бесконечной, кровопролитной войны.

Глава 2. Прикосновение силы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.